

ция и государство во время Русской революции в Петрограде // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С. 218—246.

⁶ Hasegawa T. Crime and Police under the Soviet Regime, October 1917 — March 1918 // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Ред. и сост. А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2015. С. 272—298. Естественно, что речь в статье идёт о милиции.

⁷ Hasegawa T. Crime, Police, and Samosudy in Petrograd in the Russian Revolution and Sociological Theories of Anomie // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2016. Vol. 9. P. 275—296.

⁸ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914—1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

⁹ Проблема двоевластия в настоящее время активно дебатруется историками. См., например: Петров Ю.А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 17—18.

¹⁰ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде... С. 171.

¹¹ Ведун. Разрушенные гнёзда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая. «Новое время» сообщало, что Вольман был осуждён на десять месяцев тюремного заключения (За продажу кокаина // Новое время. 1917. 28 марта).

¹² Мещуткин В. Временные суды в Петрограде // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 186.

¹³ Пешехонов А.В. Первые недели (Из воспоминаний о революции) // На чужой стороне. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 267.

¹⁴ Например, во главе Рождественского района стоял комиссар «Комитета Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов» А.В. Трупчинский, двойные полномочия имел также его помощник (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 1695, оп. 2, д. 430, л. 55, 60, 61).

Александр Фокин

«Полезное прошлое» Дэвида Бранденбергера*

Alexander Fokin

(Tyumen State University; Chelyabinsk State University, Russia)

«Useful past» by David Brandenberger

DOI: 10.31857/S086956870005921-4

Проводя аналогию между историей и литературой, Х. Уайт выявил, что историки в своих трудах используют один из четырех приёмов исследования. Продолжая это сравнение, можно сказать, что большинство историков пишут романы, поскольку каждая монография должна иметь чёткую структуру и законченный сюжет. Последние работы Д. Бранденбергера следует сравнить с эпопеями, ибо

каждая книга дополняет предыдущие, и если смотреть на них как на взаимосвязанную структуру, появляется гораздо больше смыслов. Поэтому я счёл необходимым отрецензировать две вышедшие в 2017 г. монографии этого автора: «Сталинский русоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931—1956 гг.» и «Кризис сталинского агитпропа. Про-

* Бранденбергер Д. Сталинский русоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.; Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927—1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.

паганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927—1941».

Центральной концепцией, составляющей основу исследования, является идея стремления сталинского режима создать «полезное прошлое» СССР. Сам термин появился в 1918 г. в США, когда после окончания Первой мировой войны потребовались основания для уверенности в будущем процветании. Для этого необходимо прошлое, которое не травмирует и не требует критического осмысления, которое удобно в идеологическом использовании и может дать положительный результат.

В советский период, и прежде всего в сталинскую эпоху, прошлое являлось важным пропагандистским ресурсом. Но в этом качестве оно не могло существовать само по себе, нуждалось в освоении и превращении в инструмент достижения задач, поставленных руководством страны.

По мнению Бранденбергера, на фоне «военной тревоги» 1927 г. и необходимости проведения индустриализации и коллективизации сталинское руководство пришло к выводу о неэффективности имеющейся системы пропаганды и агитации. Марксизм и большевистские идеи оказались слишком сложными для усвоения основной массой людей. Необходимо было найти новые способы мобилизации населения, для чего требовались понятные и легко воспринимаемые лозунги. Автор выделяет два основных элемента сталинского «полезного прошлого»: русоцентризм и доступность. В рамках советской культуры оказалось возможным реализовать первый из них: в 1930—1950-х гг. было создано большое количество разноплановых произведений культуры, пропагандировавших ведущую роль русского народа в прошлом и настоящем страны. Однако цельной

картины мира, которая одновременно была бы понятна широким массам и встраивалась в марксистско-ленинские схемы, сформировать так и не удалось.

Работы Бранденбергера основываются на идее о том, что сталинское руководство прежде всего исходило не из идеологии, а из прагматики. Использование образов русских национальных героев оказалось мерой во многом вынужденной, поскольку требовалось любыми средствами обеспечить массовую поддержку непопулярного режима. Если книга, посвящённая русоцентризму, рассказывает историю успеха, то книга об агитпропе повествует о неудаче.

Демонстрация успехов и неудач сталинской исторической политики — одно из главных достоинств книг. Отказ от одномерных схем, которыми часто грешат исследования советского периода, позволяет создать объёмную картину и показать взаимодействие различных акторов и причин, многие из которых были случайными или ситуативными. Бранденбергер использует схему повествования: формирование пропагандистских идей, доведение их до масс и восприятие массами. Каждый из этих этапов потенциально содержал сложности. Так, разработчики учебников истории не могли найти общий язык и не удовлетворяли требования властей, писатели и местные агитаторы часто действовали спонтанно и непоследовательно, а главное, население усваивало идеи выборочно и зачастую очень поверхностно.

Демонстрация крайне сложного характера сталинской исторической политики и пропаганды — важный аргумент в дискуссии тоталитарного и ревизионистского подходов к познанию советской истории. В зарубежной историографии противостояние этих двух точек зрения отошло на второй

план в силу популярности концепции советской субъектности, в рамках которой советский человек начинает самостоятельно изменять себя, стараясь соответствовать образам официальной идеологии (см. работы С. Коткина, И. Халфина, Й. Хелльбека). Для отечественного академического сообщества вопрос о том, насколько партийно-государственные структуры контролировали общество, актуален не только в рамках исторической проблематики, но и в силу острой общественной дискуссии о Сталине и его политике. При этом наиболее пострадавшими от идеологического воздействия традиционно считаются сферы науки и культуры: во-первых, здесь наиболее значима свобода мысли и творчества; во-вторых, именно учёные, писатели, режиссёры в большей степени склонны оставлять источники личного происхождения, формирующие представление об эпохе. Поэтому цензура и вмешательство в научную и творческую деятельность — символ сталинской диктатуры и важный аргумент сторонников тоталитарного подхода.

Бранденбергер показывает стремление партии и государства поставить на службу себе историю и искусство, но выводы его книг подтверждают точку зрения ревизионистов. Особенно ярко это демонстрируется на примере агитпропа, деятельность которого автор характеризует как провальную на всех этапах: и в 1930-х, и в 1950-х гг. Возрождение русских героев, национального прошлого и православной церкви предстаёт на этом фоне симптомом глубочайшего идеологического кризиса. Сталинская репрессивная политика оказывается проявлением не силы, а слабости режима и неуверенности в контроле над ситуацией в стране.

Рассмотрю выбранные книги по порядку. «Кризис сталинского агит-

пропа» включает в себя 11 глав, выстроенных в хронологическом порядке: от прихода большевиков к власти до начала Великой Отечественной войны. Новый режим видел своей целью не просто установление политического контроля над территорией и населением с помощью организованного насилия, а превращение масс в своих верных сторонников. Для этого в 1920 г. был создан Агитационно-пропагандистский отдел ЦК, контролировавший идеологическую работу в партии и вне её. Одним из главных приёмов явились курсы политграмотности, однако с самого начала возникла проблема нехватки и плохой подготовки пропагандистов. Ситуация усложнялась разнородностью общества и относительным плюрализмом. «Военная тревога», как ожидала власть, должна была сплотить граждан, но вместо этого вызвала волну пораженческих настроений. Оказалось, что за десять лет принципы классового сознания и интернационализма население так и не усвоило.

Начался поиск «полезного прошлого». Для этого Институт Маркса—Энгельса—Ленина и Институт красной профессуры собрали редакционные коллективы для создания новой литературы, объединившие ведущих историков партии. Но каждый из них стремился получить пальму первенства и не был готов идти на сотрудничество, да и авторы, чьи академические карьеры сложились в 1920-е гг., оказались неспособны перестроиться на создание ярких образов и увлекательных сюжетов. Это усугублялось неспособностью власти сформулировать официальный курс и постоянным колебанием линии партии.

Наиболее ярко сложности с «полезным прошлым» проявились в попытке создания официальной биографии И.В. Сталина — элемента формирующегося «культы личности». Перед

властью и историками встала задача персонификации советского проекта. Желание стать официальным биографом привело к ожесточённой борьбе. Но все попытки обернулись неудачей, ибо в рамках «культы личности» оказалось невозможным объединить неудобные моменты в ранней биографии «вождя», его монолитный образ и марксистско-ленинские схемы. Таким образом, даже в рамках утверждения «культы личности» выявилась проблема, которую не получилось в полной мере решить силами науки. Большие надежды затем возлагались на выход «Краткого курса ВКП(б)» — учебника по истории партии и базиса для агитационно-пропагандистской работы. Но, по мнению Бранденбергера, и на этом поприще случилось фиаско. «Краткий курс» оказался не понятной и доступной книгой, а абстрактным теоретизированием, запутанным и крайне сложным для восприятия. Добровольно или по требованию сверху обращались к нему многие, но мало кто мог усвоить те идеи, которые были в него заложены (в том числе и лично Сталиным).

Гораздо большего эффекта в создании «полезного прошлого» достигли журналисты, писатели, сценаристы. Они сделали ставку не на абстрактную историю классов, а на конкретные индивидуальные истории. Чапаев, челюскинцы, Тухачевский и Ворошилов нашли большой отклик среди населения и стали героями не только «сверху», но и «снизу». Но этот подход оказался неэффективным по причине масштабных репрессий. Вчерашние герои в один момент превращались во врагов, и все материалы по их прославлению должны были уничтожаться. Труд многих людей обесмысливался, становилось неясно, как писать и кого восхвалять. Все нуждались в «полезном прошлом», но оно рассыпа-

лось как карточный домик, поскольку террор постоянно вынимал из него карты. Хотя в этот период и случались отдельные успехи, например, кинолента «Ленин в Октябре» (1937), в целом система агитпропа оказалась в кризисе. Позитивное восприятие советской действительности в сознании масс закрепить не удавалось.

Таким образом, к концу 1930-х гг. агитпроп вместо динамичного катализатора масс превратился в отупляющий набор догм и постулатов. Особенно ярко это проявилось в послевоенное время, когда содержание и идеи «Краткого курса» перестали совпадать как с положением в стране, так и с новыми способами мобилизации масс.

Реальным же способом воздействия на население и укрепления лояльности режиму оказалось использование русоцентричной формы этатизма. По мнению автора, сталинская политика в этой сфере стала катализатором русского национального самосознания, и именно оттуда берёт начало массовая идентичность современного российского общества.

Книга «Сталинский русоцентризм» состоит из 16 глав, разбитых по хронологическому принципу на три части. Первая часть охватывает период с 1931 по 1941 г., вторая — Великую Отечественную войну, третья — послевоенный период. При этом можно выделить три блока, составляющих основу каждой из частей: усилия власти, направленные на формирование русоцентричной политики, создание произведений искусства и науки, призванных утвердить эту политику, и восприятие пропаганды русоцентризма населением.

По мнению Бранденбергера, в начале XX в. в Российской империи не существовало концепции «русской нации», что было связано как с на-

личием региональных идентичностей, так и с неразвитостью массового школьного образования. В результате у населения отсутствовали патриотические настроения, что особенно ярко проявилось с началом Первой мировой войны. В ходе войны предпринимались экстренные попытки развить патриотические чувства, но они не дали существенных результатов, а события 1917 г. существенно сместили акценты. Большевики, придя к власти, сделали ставку не на национальное сознание, а на классово-интернациональную идеологию. М.Н. Покровский, создавая новый исторический нарратив в рамках концепции «Россия — тюрьма народов», рисовал прошлое в исключительно мрачных тонах.

Переход от марксистско-ленинской теории к национально окрашенному популизму оказался не таким простым в силу сложности создания доступного учебника и низкого качества подготовки учителей и пропагандистов. Террор уничтожал новых героев, что привело к заключению о том, что гораздо выгоднее делать ставку на героев прошлого. С 1935—1936 гг. зазвучала идея о том, что русский народ является первым среди равных народов СССР. Выход «Краткого курса истории СССР» должен был закрепить эту идею в понятной и увлекательной форме. В 1934 г. А.Н. Толстой опубликовал две первые книги романа «Пётр I», а в 1937 г. вышла их экранизация. В этих произведениях царская Россия и представитель династии Романовых показывались крайне положительно и давали повод для гордости. В то же время имела место более осторожная реабилитация Ивана Грозного и полководцев прошлого: А.В. Суворова, М.И. Кутузова. Помимо правителей и военных деятелей, ставка делалась на

деятелей науки и искусства. Самым ярким примером явилось масштабное празднование столетия со дня смерти А.С. Пушкина, в рамках которого подчеркивалась его принадлежность именно к русской культуре и к русскому языку, а сам он превратился в «главного поэта». Так создавался новый пантеон героев, призванный дополнить ряд участников революции и Гражданской войны.

Население в целом одобряло такой курс власти, но находились и его противники. Так, в 1930-х г. В.И. Блюм резко критиковал отход от советской интерпретации истории. Например, по его мнению, в пьесе «Богдан Хмельницкий» показывалось объединение украинского и русского народов, но при этом игнорировался классовый характер этих событий. Но Блюм и его соратники в итоге подверглись опале.

Нападение Германии на СССР сделало «полезное прошлое» одним из элементов военной политики. Историки в срочном порядке готовили краткие и доступные очерки о военной истории России. В списке образцов патриотического поведения присутствовали исключительно русские дореволюционные персонажи, на первый план вышли победы Александра Невского, Суворова и Кутузова. Массовая культура поддерживала этот подход, многие известные писатели создавали произведения, на сценах театров и экранах кинотеатров шли пьесы и фильмы, призванные донести до населения руководящую роль великороссов. Отказ от идей интернационализма проявлялся и в школьном образовании. Многие детали прошлого приносились в жертву целям пропаганды, история превращалась в удобный для восприятия миф. В результате к 1945 г. русское прошлое и советское настоящее, как

утверждает Бранденбергер, слились в сознании людей в одно неразрывное целое. Победа в войне продемонстрировала успешность курса, что нашло выражение в знаменитом тосте Сталина, подчеркнувшем превосходство русского народа над остальными. Кульминацию русоцентричной кампании автор видит в послевоенной идеологической политике, связанной с именем А.А. Жданова. Происходило очищение от всех элементов пропаганды, которые использовались для мобилизации нерусских народов (тем более что действия в этом направлении — например, написание «Истории Казахской ССР» — сталкивались со сложностями), опыт войны начинал осмысливаться как опыт русского народа.

Русоцентричная пропаганда смогла создать простую в использовании и усвоении картину истории. Так, в учебном процессе гораздо проще было использовать яркие образы русских исторических героев, нежели сложные для понимания схемы диалектического материализма и марксизма-ленинизма. Эта тенденция проявилась и в массовой культуре: празднование 800-летия Москвы в 1947 г. по масштабам даже затмило 30-летний юбилей революции. В результате сложился ряд мифов и образов, которые можно было использовать, и это проявилось в политических кампаниях против «космополитов» и «врачей-убийц».

Интересно, что через призму русоцентричной политики Сталина Бранденбергер объясняет и Ленинградское дело. По его мнению, обвинения в адрес ленинградской партийной организации были связаны с тем, что её руководители перешли границу. Идея создания компартии РСФСР означала возникновение мощной структуры, которая могла играть слишком боль-

шую роль и бросить вызов союзному руководству. Это лишний раз показывает, что идея ведущей роли русского народа являлась для Сталина не более чем инструментом воздействия на массы.

Анализ книг Бранденбергера порождает главный вопрос к его концепции. Каким образом оказалась возможна парадоксальная ситуация, когда в целом система агитации и пропаганды находилась в кризисе и демонстрировала крайне низкую эффективность, но при этом политика русоцентризма дала такой мощный эффект, что стала фактором победы в войне и сформировала русское национальное самосознание, чего не смогло в свое время сделать правительство Российской империи? Это можно было бы объяснить запросом со стороны населения — но в таком случае неясно, как сформировался этот запрос, если до сталинского времени люди не нуждались в конструировании русской нации.

Поиск ответа на эти вопросы может вывести на более глобальную проблематику, связанную с мировыми процессами XX в. Ситуация в разных странах мира показала, что идея марксизма о классовом сознании как новой форме идентичности проигрывает идее национализма. Даже несмотря на то что политические партии в Европе и Азии заявляли об интернационализме и верности идеям Маркса и Ленина, на практике они руководствовались прежде всего интересами своих государств. Например, в КНДР синтез национализма и марксизма привёл к возникновению идеологии чучхе. Описанные Бранденбергером процессы, таким образом, оказываются одним из вариантов общемировой практики.

В рамках рецензии необходимо отметить и дискуссионные моменты.

Рассматривая деятельность агитпропа, автор обращает внимание прежде всего на попытки сформировать историческую политику и оставляет за рамками своего исследования другие аспекты его деятельности. Такой подход понятен, если рассматривать монографию про агитпроп не как самостоятельное исследование, а как часть работы над большой темой о сталинском «полезном прошлом». Так, несмотря на утверждение о кризисе агитпропа, следует признать успешность формирования в сталинском СССР «культы личности». Поиск «полезного прошлого», по мнению автора, осложнялся уничтожением «новых советских героев» в годы Большого террора. При этом лишь вскользь упоминается формирование культуры Ленина, хотя образ «вождя мирового пролетариата» являлся одним из самых понятных и тиражируемых в советской культуре. Было бы инте-

ресно посмотреть, какие направления деятельности агитпропа оказались успешны, а какие — нет и почему, и понять, насколько масштабным был кризис агитпропа.

Также можно отметить, что обе монографии слабо затронуты лингвистическим и антропологическим поворотом — в них не анализируются язык «полезного прошлого» и практики, связанные с ним. Хотя интересно было бы посмотреть, как формировались «места памяти», как задействовалась праздничная культура и т.д. Естественно, даже в двух книгах невозможно раскрыть все стороны изучаемого явления и ответить на все вопросы. Поэтому концепцию Д. Бранденбергера о «полезном прошлом» в СССР следует рассматривать как базу для дальнейших исследований, которые расширят наше понимание сталинской эпохи.